

ЧАНТУРИШВИЛИ Д. С.

СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ, ДОМИНАЦИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ И ДИСТРИБУЦИЯ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(с типологическими экскурсами в грузинский язык)

Вопрос о системе падежей решается в зависимости от того, какое количество и какие падежи признаются в языке, точнее — в той или иной грамматической концепции. В этом смысле в русском языке друг другу можно противопоставить традиционную шестипадежную систему, принятую в настоящей работе (ибо она выдержала испытание временем и оказалась достаточной для описания «внешнего строения словоформ» русского языка [1, с. 54]), и системы падежей, представленные в грамматической литературе прошлого и нынешнего столетий. «Сколько именно... падежей в современном русском или другом языке, — писал А. А. Потебня, — это вопрос не из тех, которые можно предлагать детям в школе, так как и сами ученые в этом между собою не согласны» [2, с. 64].

Грузинский язык не составляет исключения: одно направление, признающее и звательный, и послеложные падежи, насчитывает десять падежей [3, с. 44—46, 73—76]; другое отказывает звательной форме в статусе падежа, считает, что послеложные падежи не могут быть рассмотрены наравне с беспослеложными, и насчитывает шесть падежей [4, с. 035—037; 5, с. 135, 158—159, 162].

Система падежей — это принятая в языке исторически сложившаяся определенная последовательность определенного количества падежей. В русском эта последовательность восходит к греко-латинской традиции и, будучи устойчивой, не является обязательной. В грузинском им., повеств. и дат. падежи предшествуют остальным, во-первых, потому, что это — падежи подлежащего, а во-вторых, в этих падежах основа не сжимается. Не сжимается она и в так называемом звательном падеже, но традиционно замыкает перечень падежей, возглавляемый во всех языках исходным именительным падежом, которым имя существительное представлено в словарях как лексема.

Система падежей — основа парадигмы, однако парадигму образует не сама система падежей (которой, разумеется, не существует без парадигмы), а определенная система падежных окончаний (флексий), которые в своей совокупности составляют комплексную морфему [6, с. 399] и представляют парадигму данного слова, причем отдельные элементы (морфы) комплексной морфемы или вся она могут быть нулевыми.

Система падежей относится к парадигме, как модель к ее наполнению. Система падежей — величина постоянная, постоянная не только в синхронном плане, но и на диахронической оси (разве только морфологический местный падеж стал «неморфологическим» предложным, а звательная форма свою функцию передала именительному падежу), а парадигма, материально выражающая систему падежей, — величина переменная, и комплексные морфемы исторически претерпели серьезные изменения.

Специфику русской (и вообще индоевропейской) системы падежей составляет вин. падеж, грузинской (и вообще иберийско-кавказской) —

повеств. падеж, одноименность же других (не всех) падежей — явление чисто номинальное, ибо это — две существенно разные системы.

Комплексная морфема репрезентирует систему падежей в виде «парадигматического столбца падежей» [7], однако система падежей и парадигматический столбец падежей не одно и то же: в системе падежей имеем нерасчлененный вин. падеж, в парадигматическом же столбце — ту или иную разновидность этого падежа. В связи с этим уместно вспомнить мнение В. М. Солнцева о том, что морфологическая парадигма — это «отношение замещения», когда разные формы слова замещают друг друга «в условиях дополнительной дистрибуции» [8]. В нашем понимании парадигматический столбец падежей — это падежная система, то есть система падежей с расчлененным вин. падежом.

Разница между системой падежей и парадигмой, между прочем, заключается и в том, что парадигма может быть ущербной, дефектной и может быть представлена одной словоформой, тогда как понятия ущербной или дефектной системы падежей не существует, как не существует понятия нулевой системы падежей при наличии нулевой парадигмы, нулевого склонения.

Комплексная морфема конструирует парадигматику, группируя слова в те или иные типы склонения в зависимости от структуры основы и характера выражения падежных показателей в сочетании с явлениями на «длине парадигмы»: альтернативой, супплетивизмом основ и корней и таким важным морфонологическим средством, как ударение, роль которого в грузинской парадигматике, к стати сказать, равняется нулю. Именно от выражения комплексной морфемы зависит наличие форм ед. и мн. числа, уникальных, омонимичных и нулевых окончаний и т. д.

Таким образом, комплексная морфема является фундаментальным понятием парадигматики. В связи с этим особо важное значение приобретает четкая дефиниция и однозначное понимание терминов «флексия» и «окончание». В. А. Богородицкий [9], Г. О. Винокур [6, с. 399], а в наше время — В. И. Кодухов [10], Г. Мачавариани и Г. Небиеридзе [11, с. 192—193] и др. в термин «флексия» вкладывают отличное от термина «окончание» содержание. Современные наиболее фундаментальные грамматики [12, с. 16; 13, с. 32; 14, с. 125] и справочная литература [15—17] ставят знак равенства между этими терминами. Назначение флексии состоит в том, что «...форма одного слова указывает на его непосредственную зависимость от формы другого слова (или от слова в целом) либо сама обуславливает форму другого слова...» [14, с. 457]. Следовательно, флексия (или, что то же, окончание) — строго лингвистический термин и указывает либо на падеж, либо на лицо, либо на род слов, которые и з м е н я ю т с я по этим категориям¹. Поэтому, когда порой даже весьма авторитетные источники квалифицируют показатель инфинитива как флексийный морф или конечные *ь, й, ий, ей* в словах типа *тень, сарай, линий, лисий, статей* именуют окончаниями, то это только дезориентирует и не может быть оправдано никакими, хотя бы графическими или орфографическими, соображениями. Невзыскательное отношение к флексийному морфу может привести к неправильному членению словоформы при соблазнительном сходстве финали, скажем, в словах типа *мужей* (с окончанием *-ей*) от *мужи* и *мужей* (с нулевым окончанием) от *мужья* при общем им. п. ед. ч. *муж*.

Все многообразие парадигм русских существительных пользуется 15 различными флексиями в морфофонематической записи. Омонимия же (внутричисловая, межчисловая, межпарадигматическая) падежных флексий (как нулевых, так и материально выраженных) «...делает систему па-

¹ Г. О. Винокур в словах, лишенных флексивной гибкости, типа *зимой, торшию, шутя*, усматривает о к о н ч а н и я (а не суффиксы), которые «как бы выпуты из тех комплексов, к которым они принадлежат», и относит их к словам с изолированной комплексной морфемой» [6, с. 412].

дежных форм в целом, с одной стороны, очень экономной, а с другой — недостаточной...» [14, с. 475]. Недостаточной, во-первых, в чисто методическом плане, создавая трудности определения падежа при грамматическом разборе, а во-вторых, делая вообще невозможным определение падежа в случаях типа *Видно село* (ср. *Видна река*) и *Видно село* (ср. *Видно реку*) [18].

То, что ни одна парадигма не различает всех шести падежей — это признак, характеризующий русские именные парадигмы и давший основание Р. О. Якобсону представить пяти-, четырех-, трех- и двупадежные системы с разновидностями, по которым можно распределить все имена и местоимения русского языка [19]. Речь идет именно о падежных системах, т. е. о парадигмах, а не о системе падежей, которая во всех случаях остается постоянной величиной.

Лингвистическую сущность комплексной морфемы определяет морфологический тип языка. Поэтому комплексная морфема рисует принципиально разную картину в русском языке с фузийным характером аффиксации в нем, когда основа, как правило, меняется, аффикс (и прежде всего — флексия) «сплавлен» с корнем, когда он (аффикс) нестандартен, на письме нередко завуалирован и может быть представлен в виде нулевого морфа, и в грузинском языке с агглютинативным характером аффиксации в нем, с его стандартным и однозначным аффиксом и с явлениями сжатия и усекования основы. Следствием этих особенностей является большое разнообразие парадигм склонения в русском языке и наличие в сущности одной системы склонения для всех имен в грузинском. Отсюда высокая продуктивность в грузинском языке так называемой монофлексии — явления, когда падежный показатель имеет не каждый компонент словосочетания, а только доминанта, тогда как в отдельном употреблении каждый компонент склоняется нормально, например, *supra otaxi* «чистая комната» [20]. Таким образом, в грузинском языке может склоняться и, следовательно, иметь комплексную морфему не только слово, но также и словосочетание и целое предложение. Это — особенность не только грузинского, но и вообще иберийско-кавказских языков, в которых «согласование между определяющим и определяемым ограничено иногда в большей степени, иногда — в меньшей, а иногда определяющее слово остается без изменения, то есть вовсе не видно синтаксической зависимости» [5, с. 189; перевод наш. — Ч. Д.]. Монофлексию находим и в русском языке, однако не столько на уровне нормы, как в грузинском, сколько в разговорной стихии, и, скорее всего, как результат действия закона экономии речевых усилий. Имеются в виду сочетания типа *товарищ Ивановой*, где «оба компонента... как бы сливаются в едином комплексе: слово „товарищ“ здесь не склоняется и окончание *-ой* относится, таким образом, ко всему комплексу». Так же в оборотах типа с *князь Иваном* [21, с. 127].

Комплексная морфема различает либо систему падежей субстантивов и адъективов, либо систему родовых форм, либо систему личных форм финитной формы глагола. Системы эти создают определенную иерархию с точки зрения доминации (т. е. господства/подчиненности). Господствующую систему назовем «системой-доминантой», зависимую — «системой-депендентом» и тогда получим: система падежей субстантивов является депендентом по отношению к формам, требующим падежных форм субстантивов, и доминантой по отношению к формам, которые требует субстантив. При этом в позиции доминанты или депендента выступает не система падежей как таковая, а падежная система, которую комплексная морфема представляет как парадигму конкретного слова, или, что то же самое, система падежей с дистрибуцией вин. падежа. Вот эту бинарную систему, где система падежей (или, точнее, падежная система) занимает позицию доминанты или депендента в зависимости от характера партнерства между компонентами бинарной системы, будем называть с е к т о р о м р е а-

л и з а ц и и п а д е ж е й ². Именно в секторе реализации падежей, воплощающем синтагматические отношения, реализуется главная — коммуникативная — функция языка. Именно здесь мы постоянно имеем дело со словоформой, в которой перекрещиваются парадигматическая и синтагматическая оси лексемы [22, с. 20]. Это те синтагматические единства, которые являются «результатом двоякого рода сближений — ассоциативных и синтагматических», та совокупность, которая «составляет язык и определяет его функционирование» [23]. С сектором реализации падежей связано то, что И. И. Ревзин именует падежеобразующим контекстом [24], в сущности идея сектора реализации падежей лежит в основе «согласовательных классов» А. А. Зализняка [1, с. 62—82].

Нетрудно видеть, что представленная выше иерархия систем падежей зиждется на способности категории падежа в имени выступать как управляющей, так и управляемой категорией. На этом основании О. Г. Ревзина допускает возможность выделения единой суперкатегории, включающей класс управления глагола и падеж имени. «Эта категория по своему устройству была бы аналогична категории рода в том отношении, что для глагола она была бы классифицирующей, имеющей показатель в управляемом слове, а для имени — словоизменятельной, указывающей на класс управления глагола точно так же, как простая категория рода в прилагательном указывает на род существительного» [25].

В секторе реализации падежей получает свою реальность так называемое нулевое склонение, когда «все... „падежи“ звучат одинаково» и когда «синтаксическое тождество» между словами типа *кенгуру* и *село* «...приобретает свое действительное значение только после указания на то, что это синтаксическое тождество в данном случае имеет под собой морфологически дифференцированную основу» [6, с. 416]. В этой же системе реализуется такое важное синтаксическое явление, как субстантивация.

От нулевой флексии и нулевого склонения, т. е. от значимого отсутствия формальных показателей, надо отличать случаи, когда в «наборе клеток», как иногда называют парадигматический столбец падежей, пустует одна клетка и более: *мга*, *пыльца*, *казна*, *полюмя*, *щец*, *дровец* и др. Понимание падежной словоформы позволяет здесь признать парадигму, хотя и ущербную.

В грузинском нет и не может быть несклоняемых существительных, но есть дефект-парадигма, представленная словом *γvtis* в выражениях типа *γvtis gulisatu is* «бога ради», *γvtis cgalobit* «божьей милостью», где это слово, восходящее к титулованному в древней письменности слову *γmert* «бог», вполне отчетливо сознается как форма род. пад., но не имеет никаких других форм, если не учитывать диалектного *γvtit dakluli* «без ножа, без крови мертвый», букв. «богом заколотый» и наречия *γvtit* «божьей милостью», где в обоих случаях имеем форму твор. пад.

Шестипадежная система не отражает всего многообразия форм русских имен. В нее, например, не укладываются формы так называемых второго родительного и второго предложного, не говоря уже о таком употреблении вин. пад., как *Чин ч и н а почитай*, *сапог — с а п о г а*, *забрали в с о л д а т ы* и т. д. В отличие от вариантов типа *весной — весною*, эти формы не находят отражения в нормальных парадигмах, однако они есть, и с этим нельзя не считаться. Действительно, язык хотя и система, но в нем, как в особого рода системе, «...системность диалектически сочетается с антисистемностью, правила с исключениями. Не было бы в языковой системе противоречий, она была бы мертвой и застывшей схемой, не способной к развитию и прогрессу» [26].

² Может создаться впечатление, что система падежей адъективов является абсолютным деппендентом, не способным подчинять себе другие формы. Между тем сочетания типа *достойный кого-чего-н.*, *подвластный кому-чему-н.*, *гордый кем-чем-н.* свидетельствуют о наличии у адъективов этой способности, однако в предлагаемой иерархии падежных систем этот факт не мог найти отражения по той причине, что здесь связь слова с формами другого слова осуществляется не во всей системе его форм.

В отличие от указанных выше форм, нерегулярных или окказиональных, в именных парадигмах вин. падеж представлен тремя разновидностями, имеющими строго системный характер: каждая разновидность (обозначим их символами В, В-И и В-Р) имеет свой сектор реализации падежей, входит в свою падежную систему, они не взаимозамещаемы, а если та или другая лексема может иметь и В-И, и В-Р (*бактерия, микроб, кукла* и под.), то это говорит не о взаимозамещаемости этих разновидностей, а об отнесенности слова к разным парадигмам. Таким образом, в парадигмах субстантивов вин. пад. ед. числа представлен следующими падежными системами: И, Р, Д, В, Т, П, или И, Р, Д, В-И, Т, П., или И, Р, Д, В-Р, Т, П; мн. числа: И, Р, Д, В-И, Т, П или И, Р, Д, В-Р, Т, П. В парадигмах адъективов вин. пад. ед. числа представлен всеми тремя разновидностями: И, Р, Д, В, В-И, В-Р, Т, П, мн. числа — двумя: И, Р, Д, В-И, Т, П или И, Р, Д, В-Р, Т, П. «Грамматический словарь» А. А. Зализняка (и только он!) дает основание для выделения еще одной четвертой разновидности вин. пад., предлагаемая слова типа *дом* и *на* (м. р.) в вин. (и только в этом!) падеже записывать с флексией *-о* [27, с. 74]. Нам такое решение вопроса представляется разумным, однако от этой разновидности вин. пад. пришлось отказаться ввиду того, что здесь литературной нормой признают форму на *-у* независимо от рода, вследствие чего и *эта домина*, и *этот домина* в вин. пад. имеют форму *эту домину* [14, с. 490].

Одна и та же падежная система может быть представлена разными комплексными морфемами: *дом, дерево, время, путь*. Более того, к этой же падежной системе отнесется, скажем, существительное *приданое*, имеющее субстантивную парадигму, но адъективное склонение.

Система-доминанта и система-депедент составляют макросектор реализации падежей, тогда как каждый сектор этих двух систем, являющийся не чем иным, как словосочетанием, представляет собой микросектор реализации падежа.

Дифференциация вин. пад. дает возможность выделить 20 секторов реализации падежей [без учета двух секторов, которые можно было бы выделить для 13 слов типа *доми́на* (м.р.) по А. А. Зализняку, обозначив эту разновидность символом Вин.], мыслимых нами как бинарные системы, как некие модели, в которых реализуются все формы субстантивного и адъективного склонений в бесконечном множестве словосочетаний.

Ниже даются все 20 секторов сплошной нумерацией. При этом первые 8 секторов представлены в виде только систем падежей субстантивного склонения, ибо формы доминанты (глаголы и другие лексемы) здесь не могли быть отражены, в остальных же секторах слева от знака тире — система-доминанта, справа — система-депедент. Во всех случаях падежная система представлена только разновидностями вин. пад. Сектора распределяются следующим образом: 5 секторов для субстантивов с числовой корреляцией: 1 ед. В, мн. В-И: *стена, столовая*; 2. ед. В, мн. В-Р: *мужчина, девочка, больная*; 3. ед. В-И, мн. В-И: *дом, дерево, здание, сапаторий, море, ливень, день, ружье, время, час, шаг, приданное*; 4. ед. В-Р, мн. В-Р: *мальчик, брат, сторож, зверь, герой, гений, подмастерье, он (она, оно), я, ты, больной*; 5. ед. В-И, мн. В-Р: *дитя, насекомое*; 3 сектора для субстантивов без числовой корреляции: 6. В: *листва, Алена, Вова, падучая*; 7. В-И: *свет, белье, ворота, бывшее*; 8. В-Р; *Алик, родители, родные, себя* (без И); 6 секторов для адъективов с числовой корреляцией: 9. ед. В—В, мн. В-И — В-И: *высокая стена, высокая столовая*; 10. ед. В—В, мн. В-Р—В-Р: *высокая девочка, эта больная*; 11. ед. В — В-Р, мн. В-Р — В-Р: *высокий мужчина*; 12. ед. В-И — В-И, мн. В-И — В-И: *высокий дом, высокое дерево, твердый согласный, богатое приданое*; 13. ед. В-И — В-И, мн. В-Р — В-Р: *высокое дитя, вредное насекомое*; 14. ед. В-Р — В-Р, мн. В-Р — В-Р: *высокий мальчик, этот больной*; 4 сектора для адъективов без числовой корреляции: 15. В — В: *зеленая*

листва; 16. В — В-Р: *маленький Вова*; 17. В-И — В-И: *дневной свет, свежее белье, высокие ворота*; 18. В-Р — В-Р: *маленький Алик, строгие родители*; 2 сектора для количественно-именных сочетаний (систему-доминанту возглавляет Р, а систему-депедент — И): 19. В-Р — В-И: *два часа, шарá, шагá; два, оба стола, дерева; две, обе тетради; пять столов, братьев; несколько, много студентов*, 20. В-Р — В-Р: *два, оба брата; две, обе сестры, несколько, много, пятеро студентов*.

Как видим, единая шестипадежная система русского языка предстает как система модифицированная, а вин. пад. с его разновидностями — как модификатор этой системы, что имеет принципиально важное значение для репрезентации русской именной парадигматики: в то время как в парадигме конкретного субстантива может быть представлена лишь одна разновидность вин. пад., в парадигме слов адъективного склонения будут представлены все разновидности этого падежа, что делает совершенно понятным, какая именно форма адъективного склонения относится к какой именно форме субстантивного склонения.

Слова типа *микроб* и сочетания типа *несколько студентов* могут попасть в разные сектора реализации падежей. В секторах без числовой корреляции не учитывается потенциальная возможность образования форм мн. числа, которое «...при необходимости все же может быть построено и будет правильно понято» [27, с. 5]. Акцентуационный тип *часá, шарá* может быть только в 19-м секторе, но стоит включиться в количественно-именное сочетание определению (*два первых часа, шара*) или стоит взять их в виде отдельных лексем, как они попадут в 3-й сектор.

Свою реальность так называемое «нулевое склонение» получает исключительно в секторе реализации падежей. Это своего рода субституция, в результате которой мы получаем не морфологическую форму падежа, а синтаксическую функцию слова: в сочетании *купил пальто пальто* может быть В-И ед. числа, если это идентично сочетанию *купил шубу*, и может быть В-И мн. числа, если это идентично сочетанию *купил шубы*, но если *пальто* попадает в 12-й сектор (*купил новое пальто*), то тогда *пальто* может быть только В-И ед. числа.

Едва ли не самой острой является проблема сущности доминации между компонентами сектора реализации падежей. Здесь два кардинальных вопроса: во-первых, вопрос о доминации в микросекторе с им. пад., т. е. в предикативном центре со структурной схемой $N_1 - V_t$, а во-вторых, вопрос о доминации в остальных случаях, т. е. в словосочетании, причем обязательно бинарном. Второй вопрос решается в пользу признания здесь согласования и управления (примыкания мы не касаемся), причем в связи с последним возникает вопрос о том, что чем управляет: словоформа-доминанта (*хозяин*) словоформой-депедентом (*служой*), если управление признается не только формальной, но и смысловой связью, или флексия-доминанта флексией-депедентом, если управление — исключительно формальная связь. Иными словами, как представить связь между *читаю* и *книгу*: в виде *чита-ю + книг-у* или *-ю + -у* [28]. Выдвинутая Б. Н. Головиным идея «морфологической синтагматики не мирится с пониманием структуры словосочетания как явления только синтаксического». Словосочетание «по своей языковой природе... в первую очередь морфологично, так как строится в результате реализации синтагматических свойств частей речи и их морфологических категорий»... «Морфологическая, а не синтаксическая сочетаемость слов лежит в основе грамматической структуры словосочетания, в основе его грамматической организации» [29]. То же мнение выражает «Русская грамматика» [30, с. 14].

Вопрос о доминации в предикативном центре решается по-разному. 1) По традиционным представлениям им. пад. в функции подлежащего является формой господствующей, а сказуемое согласуется с ним в числе и лице и, стало быть, зависит от него. В свете этой концепции им. пад. субстантива является доминантой; 2) Согласование в лице между сказуе-

мым и подлежащим отрицается на том основании, что «существительное не имеет категории лица», однако связь между компонентами никак не квалифицируется [31]; 3) «Представление о „подчиненном“ падеже естественно распространить и на именительный падеж, хотя соответствующие словоформы обычно считаются ничему не подчиненными (заметим, впрочем, что в современных синтаксических описаниях широко распространен взгляд, согласно которому подлежащее подчинено сказуемому)» [1, с. 37, примеч. 3]. Мнение о второстепенности подлежащего не ново: оно было высказано 100 лет тому назад А. А. Дмитриевским [32] в темпераментном споре с Г. А. Миловидовым [33]. В свете такого понимания доминанции в предикативном центре им. пад. субстантива является депendentом; 4) Предикативная связь «не относится к числу подчинительных связей» [34], ни одна из форм предикативного центра не является ни господствующей, ни зависимой [13, с. 548, 30, с. 94]. Здесь мы имеем не субординацию, а координацию.

Но что такое координация? Одни считают, что это взаимообусловленная зависимость между сказуемым и подлежащим, но формально они друг от друга не зависят [35], другие понимают координацию как взаимосогласование в случаях (и только!) типа *я читаю, ты читаешь...* [36, 15], причем «трудно сказать, что с чем согласуется в подобных случаях — форма глагола с местоимением или наоборот» [37]. Наконец, третьи координацией именуют формальное уподобление, однако ограничиваются указанием на то, что между компонентами предикативной бинармы типа *Весна наступает* имеем координацию в формах числа, умалчивая о лице [13, с. 548; 30, с. 242].

Если управление не ограничивать исключительно требованием косвенного падежа субстантива и понимать его как такую связь, когда доминанта требует от депendentа такой формы, какой она не имеет либо вообще (спрягаемая форма глагола, не имея падежа, требует его), либо в данном случае (субстантив в форме одного падежа требует субстантива в форме другого падежа), и если согласование и управление допустить и в предикативном центре, то можно утверждать, что финитная форма глагола *с о г л а с у е т с я* в числе с подлежащим (ибо по этой категории изменяются оба компонента), а последнее *у п р а в л я е т* лицом глагола (ибо по этой категории изменяется только глагол). Тогда координация предстает как такая синтаксическая связь, когда каждый из компонентов предикативного центра является и доминантой и депendentом одновременно, что снимает вопрос об абсолютно господствующем члене предложения. Следует заметить, что управление лицом признавал В. А. Малаховский [38], а идея управления подлежащим сказуемого не была чужда А. А. Шахматову [39], так и не уточнившему, в чем же подлежащее управляет сказуемым.

А. С. Чикобава понимает координацию как самоуправление. В его концепции, изложенной еще в 1928 г., сказуемое — центр координации, основная координата, и устанавливаются понятия большой, малой и наименьшей координат, являющиеся понятиями интердепенденции, в противоположность понятиям «подлежащее», «сказуемое», «прямое дополнение», являющимися понятиями односторонней зависимости [40]³. Г. Мачавариани и Г. Небиеридзе весь механизм простого предложения рассматривают в терминах непосредственно-составляющих, создающих субординационные конструкции, включая предикативный центр, на который также распространяется управление. Что же касается координации, то авторы ее усматривают лишь между однородными членами предложения [11,

³ М. Л. Квачадзе говорит о взаимозависимости компонентов предикативного центра в том смысле, что подлежащее согласует с собой глагольное сказуемое в числе, а само управляет сказуемым в падеже [41]. О взаимодействии категории падежа с глагольными категориями в грузинском языке см. [42, 49].

с. 216—226]. Типичный случай «эффекта несоизмеримости», когда при описании одной и той же языковой реальности «применен различный терминологический аппарат» [43].

Достаточно сложен и вопрос о доминации в предложном и вообще в припредложных падежах. Их включение в систему падежей с внутренней необходимостью создает «эффект несоизмеримости» и ставит вопрос о статусе такого падежа, ибо с системой форм лексемы объединяется синтаксема, т. е. в одной системе оказываются элементарные единицы «разных уровней языка: лексемы не могут быть выражены предложно-именными сочетаниями, как не могут они быть выражены и сочетаниями имени с глаголом-связкой или сочетанием инфинитива с модальным глаголом, тогда как вариантами синтаксем могут быть и первые, и вторые. В синтаксемном анализе лексемы учитываются лишь со стороны конкретной лексической наполняемости вариантов синтаксем, а также со стороны их непосредственного лексического окружения» [44]. В. В. Виноградов на примере предлогов *о* и *по* склонен был видеть тенденцию превращения предлога в падежный префикс, «...но с возможностью раздвижения для вставки имени прилагательного или определяющего местоимения...» [45]. Между тем предлог вовсе не «пустая» лексема и несет вполне определенную смысловую нагрузку, что и заставило А. А. Потебню заметить, что «каждое особое значение предлога дает новый падеж» [2, с. 64]. К этому следует добавить и то, что предложно-падежные сочетания проявляют довольно высокую степень самостоятельности в позиции, скажем, заглавия («На дне», «В людях», «Без языка» и мн. др.) или так называемого детерминанта [13, с. 624; 30, с. 149]. Е. Курилович считает управление самостоятельных слов «правильной дихотомией», а предложное управление — «ошибочной дихотомией», ибо «самостоятельное слово ... определяется предлогом... точно так же и в том же смысле, в каком основа или корень определяются флексивным окончанием или словообразующим суффиксом, то есть несамостоятельной („синсемантической“) морфемой» [46, с. 176], «предлог не является у п р а в л я ю щ и м падежной формы, а представляет собой субморфему...», состоящую из предлога и падежного окончания. «Предлог управляет или, точнее, имплицитует только п а д е ж н о е о к о н ч а н и е, как таковое, а не падеж (то есть не падежную форму)» [46, с. 180]. Видимо, здесь важны результаты извечной борьбы между лексической и грамматической тенденциями, которая нередко завершается полной победой грамматики или находится на этом пути. Думается в связи с этим, что грамматическая практика, традиционно представляющая в парадигматическом столбце падежей предложный падеж с предлогом *о*, практически решила вопрос о единственной ф о р м е предложного падежа с этим полностью грамматизированным предлогом, с которым употребляются все без исключения субстантивы, ср.: *о поле* (настил), *по на полу* при невозможности *на поле* в том же значении.

В грузинском аналогичную трудность создает послелог, который, будучи в известном смысле эквивалентом русского предлога, в отличие от последнего занимает позицию морфа в слове и вместе с тем осуществляет управление падежом. В типологическом плане представляет интерес тот факт, что наибольшей синтаксической независимостью характеризуется повесть. падеж, который единственный не принимает послелога и, следовательно, не управляется им. Что же касается им. пад., то он, конечно, является исходным падежом (хотя исторически ему предшествовал так называемый неоформленный падеж) и представляет лексему в словарях, однако, во-первых, может находиться за пределами предикативного центра, во-вторых, вызывает спор в связи с тем, управляется или нет одним единственным послелогом *vit*: А. Г. Шанидзе [3, с. 619—620], И. В. Имнаишвили [47] и др. считают, что этот послелог управляет и им. падежом: *ḡacivit* «как человек»; А. С. Чикобава [4, с. 042], Т. С. Шарадзенидзе [48] и др. полагают, что в формах типа *ḡacivit* нет им. падежа,

ибо в противном случае должны были бы иметь не *im kacivit*, а *is kacivit*. Однако в 4-м томе того же Толкового словаря, являющегося по своему назначению нормативным, *vit* — послелог, управляющий и им. падежом.

Наконец, несколько слов о 19-м и 20-м секторах для количественно-именных сочетаний. Как известно, А. А. Зализняк, вслед за В. В. Виноградовым, квалифицирует счетную форму как счетный падеж, однако, в отличие от В. В. Виноградова, который не вводил эту форму в официальный перечень падежей, А. А. Зализняк признал ее полноправным компонентом установленной им 14-падежной системы [1, с. 46—48, 52—55]. А. А. Шахматов сочетания типа *два мальчика* признавал синтаксически неразложимыми в результате исчезновения двойственного числа и утраты числительными адъективного склонения. Таким образом, говоря о доминанции в этих секторах, мы должны либо согласиться с А. А. Шахматовым, что в сочетаниях типа *два стола* вовсе нет никакой синтаксической связи, и тогда отпадает сам вопрос о доминанции, либо согласиться с мнением, согласно которому бывшая форма им. пад. двойств. числа переосмыслилась в форму род. пад. ед. числа, а числительное управляет им, и тогда мы будем иметь дело со случаем, когда в системе-доминанте имеется элемент-депендент, а в системе-депенденте — элемент-доминанта. В связи с этим (и другими фактами языка) уместно вспомнить слова А. А. Потебни о том, что «прежде созданное в языке двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же изменяет свой вид и значения в целом единственно от присутствия нового» [2, с. 131].

В грузинском любая лексема, в том числе и числительное, в позиции определяющего функционирует совершенно одинаково (с учетом упомянутой выше монофлексии в синтагме из определяющего и определяемого).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
2. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
3. Шанидзе А. Г. Основы грузинской грамматики. I (на груз. яз.). Тбилиси, 1953.
4. Чикобава А. С. Общая характеристика грузинского языка. — Толковый словарь грузинского языка. Т. I. Тбилиси, 1950.
5. Чикобава А. С. Введение в иберийско-кавказское языкознание (на груз. яз.). Тбилиси, 1979.
6. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
7. Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей (совмещение классификаций и его следствия). — ВЯ, 1968, № 6, с. 37.
8. Солнцева В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977, с. 175.
9. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, с. 93, примеч.
10. Козухов В. И. Введение в языкознание. М., 1979, с. 238, примеч.
11. Вопросы введения в языковедение (на груз. яз.). Тбилиси, 1972.
12. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1960.
13. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
14. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
15. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
16. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
17. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
18. Дмитриевский А. Практические заметки по русскому синтаксису. V. Дополнение. Филологические записки. Вып. II. Воронеж, 1878, с. 63.
19. Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). — American contributions to the IV-th International congress of slavists. 's-Gravenhage, 1958.
20. Джанашиа С. Н. Согласование определяющего с определяемым. — В кн.: К истории склонения имен в картвельских языках. Тбилиси, 1956.
21. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.
22. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
23. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 160.
24. Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967, с. 139.
25. Ревзина О. Г. Общая теория грамматических категорий. — В кн.: Структурно-типологическое исследование в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 11.

26. *Филин Ф. П.* Об актуальных задачах советского языкознания.— ВЯ, 1981, № 1, с. 5.
27. *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
28. *Сова В. З.* Аналитическая лингвистика. М., 1970, с. 43, примеч. 28.
29. *Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. М., 1979, с. 211.
30. *Русская грамматика.* Т. II. М., 1980.
31. Современный русский язык. Ч. II. Морфология. Синтаксис. М., 1964, с. 269.
32. *Дмитревский А.* Практические заметки о русском синтаксисе. III—IV.— Филологические записки. Вып. I. Воронеж, 1878.
33. *Миловидов Г. А.* Второстепенный ли член предложения подлежащее? (Заметка на Заметки г. Дмитревского).— Филологические записки. Вып. V. Воронеж, 1878.
34. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, с. 134.
35. *Кротевич Е. В.* О связях слов в словосочетании и предложении. — РЯШ, 1958, № 6, с. 20.
36. *Гильченко Т. Х.* Несогласуемое сказуемое в современном русском языке и характер его связи с подлежащим. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1964, с. 4.
37. Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 1. М., 1960, с. 23.
38. *Малаховский В. А.* Новая грамматика русского языка: Опыт пособия для учителей и педагогических техникумов. Л., 1925, с. 50.
39. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Вып. I. Л., 1925, с. 145.
40. *Чикобава А. С.* Проблема простого предложения в грузинском языке. I. (на груз. яз.). Тбилиси, 1968, с. 218—219, 243—245.
41. *Квачадзе Л. М.* Синтаксис грузинского языка (на груз. яз.). Тбилиси, 1958, с. 13.
42. *Ревзина О. Г., Чанишвили Н. В.* Об одном виде взаимодействия категории падежа с глагольными категориями.— В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
43. *Солнцев В. М.* О соизмеримости языков.— В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 105.
44. *Мухин А. М.* Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976, с. 223.
45. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947, с. 172.
46. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
47. *Имнашвили И. В.* Еще о послелого *vit*.— Цискари, 1974, № 11.
48. *Шарадзенидзе Т. С.* Послелог *vit* в грузинском.— Тр. ТГУ, 1936, т. X.
49. *Чанишвили Н. В.* Падеж и глагольные категории в грузинском предложении. М., 1981.